

Федор Иванович Быков

В обнимку с природой

Поэтический сборник

**Редактор
Набор
Графика**

**Голубин Г.Е.
Просвирина О.П.
Куликов А.Н.**

**Сборник иллюстрирован картинами
Ф.И. Быкова**

**Отпечатано в компьютерном центре
Аграрного колледжа
2000 год**

**Федор
Быков**

**В обнимку
с природой**

Появление нового сборника стихов Федора Ивановича Быкова «В обнимку с природой» подарит немало новых впечатлений всем почитателям его творчества.

Федор Иванович остается верен своим принципам, никакие жизненные трудности не сломили его веры в лучшее.

Он продолжает работать и жить так «чтобы все в руках горело, жгло червонным угольком». Вся жизнь автора отразилась в его творчестве. Воспоминания детства и материнской ласки, общение с природой, с людьми является источником его вдохновения.

Сборник появился на свет сейчас, на рубеже веков, это дает надежду нам на то, что в новое тысячелетие мы возьмем все лучшее, данное человечеству – веру, надежду, любовь, добро и красоту.

ЕЩЕ ТИШЬ НАД ПРУДОМ И БЕЗМОЛВЬЕ...

Спасибо ласковому пруду
 За вполне святой улов,
 За привет и за услугу
 В часы рождения стихов.

НА ПРУДУ

За окном – побуревшие тучи –
 Верный признак начала утра.
 Ждет меня у суглинистой кручи
 В камышах зарева пора.

Еще тишь над прудом и безмолвье,
 Только дымкой курится вода,
 Да бесшумно над спящим низовьем
 Промелькнет чья-то тень иногда,

Всколыхнет присмирившую душу,
 Отвлечет от игры поплавка
 И, упав где-то в чаще на сушу,
 Пропадет там в листве ивняка.

И, объятый прохладой звонкой,
 Я люблюсь восходом зари,
 Словно там, над лесным горизонтом
 Не заря, а сидят снегири.

Так и хочется с шуткою властной
 Крикнуть в небо, как можно сильней,
 Чтобы цвет тот малиново-красный
 Разлетелся с волшебных ветвей.

Уступил бы не медля другому
 С нежным блеском искристых лучей,
 От которого в жизни любому
 И жилось и живется теплей.

То ли ветер походкой игривой,
 То ли мой не добытый карась
 Целый день под волной шаловливой
 Поплавком забавляются всласть.

На богатый улов я не падкий.
 Ни к чему мне обильный улов.
 Я стараюсь средь клева украдкой
 Чиркнуть пару строк для стихов

Пусть они для печати не годны
 И не блещут напевностью слов,
 Но они для меня вполне сходны
 С их корявой подборкою строф.

Временами мне грустно бывает
 От наплыва томительных чувств
 И тогда с меня грусть ту снимает
 Мой напев, нежно рвущийся с уст.

1982 г.

Из-за горы, горы высокой
 Солнце скатилось в пруд,
 И там, у мысочка с осокой,
 Упав, расколосось вдруг,

Разлетелось на мелкие части,
 Засверкало на рябой воде
 И, словно, запутавшись в снасти,
 Заструилось дорожкой ко мне.

Я счастлив в такие минуты,
 С головой окунувшись в мечту,
 Стоять и смотреть на салюты
 Отраженного солнца в пруду.

* * *

Упала луна из-за тучи
 В сиреневый пруд с камышом
 И, там, у темнеющей кручи,
 Качаясь, плывет нагишом.

Ее отраженье дорожкой
 Рябит через водную гладь
 К заросшей у берега стежки,
 Где мне довелось постоять.

1982 г.

Окрестность в осеннем наряде.
 В холодных блестках старый пруд.
 Я стою, как на параде,
 И жду, когда сигнал дадут

Из глубины седого пруда
 Вечерней пляской поплавки,
 Где карасям еще покуда
 Видать, по вкусу червяки.

Вот, наконец, слегка качнулся
 И пошел куда-то в бок,
 Пошел, как разума рехнулся,
 Пустоголовый поплавок.

И вот мгновенная подсечка!
 В дугу согнулся чуткий хлыст.
 Взлетел трепещущим колечком
 Карась, сверкаяще искрист.

Рыбак – веснушчатый парнище –
 С ведром под рыбу и сачком,
 С кривою палкой вместо удилища
 На нитке с проволочным крючком.

Ходит, шлепает по илу,
 Месит грязь по берегам.
 То и дело во всю силу
 Хлещет снастью по волнам.

Все не терпится бедняжке
 Скорее рыбину поймать,
 Да такую, чтоб из чашки
 Можно было что хлебать,

А то, что снасть его не годна,
 Не отлажена ладом,
 Так он не может все свободно
 Еще постичь своим умом.

Ему всего лет пять, не больше.
 В его понятии – одно:
 Лишь бы нить была потолще,
 Да гусиное перо.

Чтоб оно держалось стойко
 И ныряло с головой.
 А караси клевали бойко
 И снасть тащили за собой.

1998 г.

Ветер северный, наземный.
Рябь сплошная на пруду.
День прошел – улов никчемный.
С полупустым садком иду.

Я не ропщу на не удачу,
Не злюсь на зря пропавший день.
Иду светло. Лицо не прячу,
Не навожу на встречных тень.

* * *

Босые ноги рыбака
Увязли в вязком иле днища.
К труду привыкшая рука
Держать устала удилице.

И, погрузившись в лов, рыбак
Отбросил в сторону беспечность.
Ему все кажется, что так
Он простоять готов всю вечность.

1982 г.

В лучах, отраженного солнца,
В подернутом ряской пруду,
Шестом упираясь о донце
Плывет рыболов на плоту.

Его чуть с наклоном движенья
И рябью, искрящийся след,
Воскресли в моем поле зренья
Рыбалку мальчишеских лет.

Когда-то в далеких, двадцатых,
Где озеро с речкой сошлось,
С гурьбой однолеток косматых
Впервые мне удить пришлось.

Вот также в метели пушинок,
Качаясь на скользком плоту,
Я плыл тогда в море кувшинок
За их заревую черту.

Туда, где по мнению взрослых,
Самый лучший на озере клев,
Откуда улов вполне сносный
Приносит любой рыболов.

1982 г.

Где-то в согре замер ветер
 В стойке «смирно» поплавок.
 Пруд вечерний чист и светел
 И хоть бы клюнуло разок!

Но я со временем в согласье.
 Я не привычен зря роптать.
 И в этот вечер клев карасий
 Я готов до ночи ждать.

* * *

Расшумелся камыш,
 Расходилась волна.
 Предрассветная тишь
 Чуткой неги полна.

Схоронилась в листву
 Ветру власть отдала,
 Уступив хвостуну
 Все безмолвье сполна.

1985 г.

Мне памятно черное поле
 И лесом, заросшая гать
 И эта родная до боли
 Свинцово-озерная гладь

Здесь часто в жару и ненастье
 Меж дел со счастливым лицом,
 Закинув рыбацкие снасти,
 Мы рыбу ловили с отцом.

Мне нравилась эта работа,
 Особенно та из затей,
 Когда обливаясь потом
 Выбираешь улов из сетей.

1982 г.

Словно свет лучом багряным
Мелькает мысль в голове.
Ранним утром синью пьяным
Иду с молчанием в родстве.

Ничто меня не отвлекает:
Ни тишь, приникшая к кустам,
Ни плеск ручья, что разделяет
Лог кочкастый пополам,

Ни силпый гуд в рассвет лиловый
Нахально льнущих комаров,
Ни отдаленный мык дворовый
С зарей, проснувшихся коров.

Все это я не замечаю,
Не слышу даже самолета рев.
Я об одном только мечтаю:
Не прозевать бы ранний клев.

На рогульке удилище.
На дернине сам рыбак.
Над водою ветер свищет.
Волны ходят только так!

Незавидная работа
Из винной пробки поплавка:
То, замерев, стоит пошто-то,
То выбивает трепака.

Бунтует молча, в гребнях пены,
Сверкая красным хохолком.
Не просит отдыха, ни смены
Трудится вместе с рыбаком.

Рыбак доволен. То и дело,
При очень опыте большом
Таскает по-мужски умело
Карася за карасем.

1996 г.

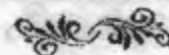
Я иду предрассветной порою
 С парой длинных стычных удилиц
 Одному мне знакомой тропою
 К тихим заводям илистых днищ.

Я иду, сонный воздух вдыхаю,
 Освежаюсь холодной росой,
 Что с талиновых веток слетая,
 Моросит, словно дождь голубой.

Мне не хочется гуд комариный
 И щеглов заревой диалог
 Заглушать в этот миг нежно-синий
 Гулким топотом старческих ног.

**ЗАПАХОМ ЛЕТА ВОЗДУХ БЕЗМОЛВНЫЙ
 ПО КРЫШИ НАПОЛНИЛ ДЕРЕВНЮ МОЮ...**

Горько, порой, не уютно
 Бывает на сердце от дум,
 Внезапно нахлынувших, будто
 От вихря березовый шум.

МИЛЫЙ КРАЙ

Во все небо – закат пурпурный.
 По закату – золотые облака.
 Под ними распластался лес ажурный,
 А ниже, в блеске волн – река.

Я не могу в себя вобрать раздолье это.
 От вдохновенья переполнилась душа.
 С волненьем вяжутся под сединою где-то
 Рифмы строк, к пристанищу спеша.

Милый край мой, свет цветущей дали!
 Ты один мне в горький час тоски,
 Как верный друг, не знающий печали,
 Стелишь к сердцу животворные мостки.

1999 г.

СЕНОКОСНАЯ СТРАДА

Вдоль прокоса по полю иду,
 Срезая ромашек головки.
 Я люблю сенокоса страду
 С расторопностью новой литовки.

Сверху солнце поднялось в зенит.
 Снизу джаз из искристых кузнечиков,
 А в ушах словно космос звенит,
 И ни звука вокруг, ни словечка.

Только думы никчемный азарт,
 Да упадок физической силы
 Возвращают к былому назад
 Со словами: «Мы тоже косили!»

Мы не знали ни легких работ,
 И не ждали от Бога подачек.
 Мы не жили и дня без забот –
 Без этих душевных болячек.

1999 г.

Лес чахоточный в болоте
По колен стоит во мху.
Дятлы заняты работой -
Рассевают шелуху.

От восхода до заката
Часто слышатся в лесу
Эха звонкого раскаты,
От посылающих – «Ау».

Не мудрено и заблудиться –
Не знаком лесистый край.
Поляна ягодой струится –
Не ленись, брат, собирай!

Торопись наполнить емкость –
Все равно, какая есть.
Применил в работе ловкость –
По труду тебе и честь!

1993 г.

ПРЕДАННОСТЬ

Гром со сверкающей выси
Под яростный трепет листвы
Прокатился с раскатом по крыше
К подножью дрожащей избы.

Хлещется каплями ветер,
Размывая скопления туч.
Ставни пытаются с петель
Сорваться и в небо вспорхнуть.

Лишь тополь – колосс разветвленный
На многие метры вокруг,
Стоит, словно страж в мир влюбленный,
У дома, как преданный друг.

1998 г.

ЗВОН КОСЫ

Люблю туманы в сенокосы,
 Люблю медовый запах трав,
 Люблю в тяжелых каплях росы
 И утра светлый, нежный нрав.

Я, как привязанный к литовке,
 Хожу с уклона на уклон
 И каждый раз при остановке
 Летит с моей литовки звон,

Звон отрывистый, искристый,
 Как с колокольни благовест,
 Вливая в грудь от звона чистый
 Страды весомый интерес.

Он лежит, появив рядами,
 В прокосах скошенной травы,
 Причем, вот этими руками
 И с мозгом этой головы.

1997 г.

Даль плывет, колышется
 В мареве тепла.
 С пашни звонко слышится,
 Что спать пришла пора.

Мой путь через полосицу,
 К излюбленным местам.
 К ним сердце мое просится,
 Чтоб сил набраться там.

* * *

По краю поля васильки,
 Подняв, как небо голубые
 Росой облитые цветки
 К лучам в просторы заревые.

Ярки цветистые луга
 В соседстве с нивой золотою,
 К ним с жаждой тянутся уста,
 Как к плесу с голубой водою.

1985 г.

НАИВНАЯ МЕЧТА

Упала с неба тень густая
И поплыла по волнам ржи
Вместе с ветром в степь без края,
В страну, где зреют миражи,

Где нет конца разгару лета
Под крышей знойной синевы,
Где солнце льет тепло привета
На землю сказкой новизны.

И если б только можно было
Ухватиться на лету
И, оседлав ту тень, как Ила,
Осуществить свою мечту?

Я бы тот час, окрыленный
Наивной детскою мечтой,
В страну без памяти влюбленный,
Помчался, как к себе домой!

1995 г.

Ничего нет радостней на свете,
Проснувшись чувствовать себя,
Что ты живой. В порядке дети
И солнце ластится, любя.

Льет теплынь в лицо и душу ✓
Сквозь сирень в распах окна.
Лей обильней! Я не струшу,
Расплачусь с тобой сполна!

Отражу твой лик в картинах,
Купаясь в ласковых лучах,
Отдам до буковки единой
Свою любовь тебе в стихах!

1999 г.

* * *

На фоне утренней зари
В знак сердечного привета
Жаворонки-звонари
Свои песни дарят лету.

И льются звуки с высоты
День-деньской не умолкая!
Такой духовной красоты
Давно не слышно в нашем крае.

Стою и слушаю, люблюсь далью лета,
 Присевшей у подножья синих гор.
 Еще далеко, но деловито где-то
 Гроза ведет с полями разговор.

Мне хорошо! Я от души доволен
 Надвигающимся грозовым дождем.
 Он в самом деле, хоть и бравый воин,
 Но хвалить его, пожалуй, подождем...

Я помню лето в пик большой засухи,
 Когда крестьяне шли с иконой по полям,
 Воздев к безмолвью мозолистые руки,
 Они просили Бога – дать добро дождям.

И, как ни странно, просьба разрешилась,
 Но только в полдень, лишь другого дня:
 На знойном небе тучка появилась
 И, разрастаясь вширь, все небо заняла

И погрузился день во мрак темнее ночи.
 От блеска молний свет слепит глаза.
 Удары грома рвутся что есть мочи
 И вся дрожит от этого земля.

Шквальный ветер рвет с построек крыши.
 От страха люди мечутся в дворах.
 Лавинный дождь в союзе с градом вышел
 И превратил посевы в чистый прах.

1998 г.

Высокий лес. Бездонны небеса.
 Широко вокруг блестят низины.
 Из ничего, кажись, образовалась роса
 И принагнула трав доверчивые спины.

Немая тишина спустилась на луга:
 Ни ветерка, ни крохотного звука.
 Вдали над лесом радуги дуга
 Повисла вроде виадука.

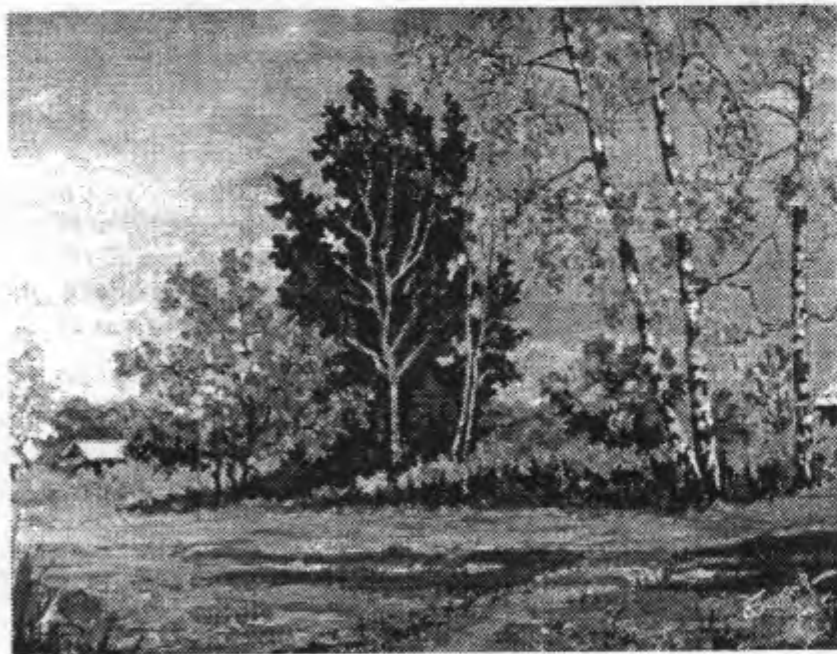
* * *

Спасибо матушке природе
 И Богу, правящему ей,
 Спасибо преющей колоде,
 Пригревшей дюжину груздей.

1998 г.

И СНОВА ЛИСТОПАД – ПОРА ЗАДУМЧИВОЙ ПЕЧАЛИ...

Вслед за роем звенящей листвы
 Бабым Летом торопится осень.
 Я смотрю на ее заревые черты
 И глазами пью звонкую просинь.

Цвет осени!... Пора прощанья с летом
 И с музыкой, рожденной ветерком!
 Иду и слушаю, любуясь желтым цветом,
 Который мне по пленэру знаком.

Здесь все до мелочи привольем дышит.
 Не любить такое – просто грех!
 Траву и лес безжалостно колышет
 Строптивый ветер на глазах у всех.

По тучным нивам ходят грозно волны,
 Стеблей колосья наклоня до земли.
 Плывут по небу, студеной влагой полны,
 Громады туч, как в море корабли.

И сеют, сеют, словно соль из сита,
 Колкий, морозяще-нудный дождь...
 Земля, набрав в себя воды досыта,
 Струит прохладой, вызывая дрожь.

2000 г.

СИБИРСКОЕ РАЗДОЛЬЕ

О, как я люблю с высоты косогора
Смотреть на чарующий душу простор!
Где в четком рисунке степного узора
Выткался медью осенний ковер.

Отсюда вся местность, как на ладонях:
И плесы прудов меж холмистых полей,
И ленты дорог, и селенья на склонах,
И дружная поступь степных кораблей.

Кажется, все это с неба спустилось,
Припало к подножью и замерло тут...
Видно не даром люди, любуясь,
Это раздолье Сибирью зовут!

1978 г.

ДАЛЬ ЗОВУЩАЯ...

Звонкий, облачный день. У воды
Строй обычных, осенних березок.
Они будто чуть-чуть, приподняв подолы,
Наслаждаются прелестью ножек.

Так и хочется сходу с тропинки свернуть,
Подойти и без фальши игривой
К ним прижаться щекой, облегченно вздохнуть,
Как бывало при встрече с любимой.

Но та звонкая даль за своротком тропы,
Напоив синью взор, нежно тает...
Я не знаю, что там, у той синей горы,
Но меня что-то светлое манит.

БЛЕСК ПАУТИНЫ

Опустишь багрянцем, осень,
 На присмиривший звонкий лес,
 Расплещи сквозь крону просинь
 С холодных, солнечных небес,

Прикрой на время непогоду
 «Бабым летом» в страдный час.
 Паутине дай свободу,
 Чаруя блеском взоры глаз.

Влей живую радость в душу,
 Свой засвидетельствуй приход
 Разбросом желтизны по суше
 И остановкой в плесах вод.

Закуй под звонкий панцирь струи
 С гор спускающихся рек,
 Приготовь плацдарм для бури
 И вьюг, несущих с воем снег.

1992 г.

КТО ВИНОВАТ?

Я глянул направо и глянул налево.
 От взгляда, как будто все сникло, шурша.
 И только березка, как юная дева
 Раскрыла объятья свои не спеша.

Взметнулась ветвями к высокому небу
 От шалого ветра в осенней красе.
 Качнула соседку, поникшую вербу
 И низко склонилась к ее голове.

Шепчет ей трепетно листьями слоги:
 «Шу-шу и шу-шу» - целый день напролет...
 Закрыты навеки им в жизни дороги,
 Заказан и вольный, как птицам полет.

Вросли в твердь земли их могучие ноги.
 Ни шага в сторонку не могут ступить...
 Кто на пути им сподобил пороги?
 Кого, кроме Бога, им стоит винить?

1998 г.

УВЯДАНИЕ

Присев, уставился в окошко
И, взглянув на белый свет,
Мне вдруг при виде стало тошно
От того, что жухнет цвет.

Еще вчера такой зеленый,
Не поддающийся, кажись,
Ни жаре, ни дням студеным –
Он сегодня ликом скис.

Видать не выдержал мороза
И к утру обледенел.
У каждой жизни – своя проза,
Свой неписанный удел!

Он пришел по воле Бога
На Землю с истиной одной –
Чтоб из недр Святого Рога
Осыпать пудрой золотой.

1998 г.

Ветер в порыве студеном
Листья срывает с берез
И с замирающим стоном
Роняет их всюду вразброс.

Роняет на мокрые крыши,
На взгорья, подолгу кружа,
На грядки, что прелостью дышат,
Наполненной влагой дождя.

И нет никому до них дела –
Закон у природы жесток –
Все достигает предела,
Всему свой положенный срок!

От этой я истины стыну.
Не в силах согреть меня чай,
Словно студеную льдину
Я проглотил невзначай.

Скучились тучи над лесом.
 В тело запряталась дрожь.
 Листья под собственным весом
 Смирненно ложатся под дождь.

Стелются влажной постелью
 К подножью поникших берез,
 Омытые звонкой капелью
 Небесных, божественных слез.

В такое дождливое время
 Унылыми мыслями мозг
 Болезненно давит на темя,
 Как пыточный обруч из лоз.

1995 г.

По сограм стелется туман,
 В лучах зари алея.
 Идет, красуясь, в гости к нам
 Поры осенней фея.

Идет упрямо, не спеша
 С присущей ей походкой.
 Идет радужно-свежа,
 Гордясь своей обновкой.

На поле солнечной фаты,
 Как будто в знак измены,
 Ложатся желтые цветы
 Грядущей перемены.

1993 г.

Ветер северный, бодрящий
 Гонит стаи сизых туч.
 Сеет, душу леденящий,
 Дождь немилостиво жгуч.

Затерялась в мутной влаге
 Медью тронутая даль,
 Даже опытные маги
 Не в силах снять с нее вуаль.

Такое людям не под силу,
 Нам такое не унять!
 Чтоб из туч не моросило
 На помощь Бога надо звать.

1998 г.

Тишина – когда не дрогнет ветка,
 Когда в пруду недвижны облака,
 Когда в душе, хоть и бывает редко,
 Нежданно пропадает вдруг тоска.

И разливается теплом по телу нега,
 Как в ясный день святая благодать.
 Легко, торжественно, без всякого разбега,
 Чтоб нить блаженства не порвать.

1992 г.

* * *

Облако, словно кудрявый барашек,
 Беспечно пасется в лазури небес.
 Земля пожелтела. Не видно ромашек,
 Но видно, как плачет листочками лес.

Открытые глазу знакомые дали
 Незримо вливаются в пойму души
 И манят куда-то те светлые дали,
 Блестя позолотой в осенней тиши.

Вечер закутался в тучи,
 Поблек деревенский декор.
 Ветер, сорвавшийся с кручи,
 С разбега запрыгнул во двор.

Забрался на скользкую крышу,
 Скатился к подножью крыльца
 И, всколыхнув мою душу,
 Умчался с задором юнца.

Мне по сердцу ветра гуденье
 И звон золотистой листвы,
 Которые в мой день рожденья
 Песней летят с высоты.

1993 г.

Седой туман, тяжелый и холодный,
 Висит над прудом, закрывая берега,
 Его поток, широкий и свободный,
 Слегка ползет в низовья, на луга.

Мне хорошо видеть. Я на вершине
 Стою, как страж знакомого холма,
 Стою и вижу, как в дали низины
 В тумане тонут свежие стога.

А с ними вместе робкий круг осинок,
 Листвой горячей еле трепеща,
 И нежный строй березок-блондинок
 В осенних худеньких плащах.

1997 г.

На ветру качается
 Стебелек крапивы.
 Вот уж и кончается
 Нрав его строптивый.

Дуют ветры осени
 С воем непогоды
 Не пробиться просини
 Через туч разводы.

Песней журавлиною
 Лето пролетело.
 Под накидкой длинною
 Дрожь колотит тело.

Нету чувства к холоду –
 В сердце пламя страсти,
 Знать всегда так смолоду
 Люди рвутся к счастью?

Стебельком крапивы
 Я приник к забору,
 Грустные мотивы
 Лезут без разбору.

Льнут на полушария,
 На мозговые донца,
 Будто мошек армия
 Перед заходом солнца.

1984 г.

Опустело чрево сада.
 Обнажился лес.
 Не мани меня, не надо,
 Сник мой интерес.

Не грусти о мне, довольно!
 Прибодришь, звеня.
 За каприз мой своевольный,
 Ты прости меня.

* * *

С какой-то женственной печалью,
 Кажись из ничего,
 Снег ложится, но вначале
 На мое чело.

Я стою, смеюсь глазами,
 Просто мне смешно,
 И ловлю, ловлю губами
 Пушистое руно.

1996 г.

Без конца на часы я гляжу.
Они рядом со мною, под боком.
Время терпит лежать – я лежу –
Не товарищ я разным порокам!

Если дело не ждет – я мгновенно встаю
И без тени в работу включаюсь.
Встретив, утром с приветом зарю,
Только вечером с нею прощаюсь.

Сам себе я хвалу говорю
За ходьбу, за любовь к урожаю,
А за то, что хандрить не хандрю
Еще больше себя уважаю.

Мне осенняя зямля сродни.
Я безумно люблю эту пору.
В дни прогулок по свежей стерне
Легким шагом спускаюсь под гору

В тихий сумрак с багряной листвой,
С пряным запахом мокрого лога,
Где березы нам ранней весной
Дарят капли лечебного сока.

А сегодня под каждым стволом,
Если только ладом приглядеться,
Можно запросто белым грибом.
Разыскав, вечерком разговеться.

1998 г.

Снег, словно очень уставший,
Качаясь, на землю летит.
Лист, кое-где не опавший,
Все еще цепко висит.

Осеннее солнце на небе
За плотными клубами туч
Не может найти место, где бы
Мог смело протиснуть свой луч.

Частенько такая картина
Видится мне за окном...
И долго на сердце кручина
Лежит, присмиривши, потом.

1997 г.

За деревней закат во все небо,
Словно алому шелку сродни.
Легким пухом увядшая верба
Устилает подножье зари.

Пожелтели пшеничные плесы,
Освежаяся влагою рос.
Под тяжестью груза колеса
Утюжат асфальтовый холст.

В разгаре степная путина,
Ее гул, вроде эха веков.
Всем знакомая эта картина
Любому понятна без слов.

1992 г.

Среди болот, в тиши лесов,
Узкой лентою сверкая,
С ленцой течет Малый Аев,
Мою деревню омывая.
Деревня та, присев к земле,
Глядит, насупясь, окнами
В упор осенней суете
С крестьянскими заботами,
Глядит на сжатые поля
И синеву застывшей дали,
На блеск озер и на луга,
За посветлевшими лесами.
На первый в октябре утряк,
Осевший пеплом на поляны
И улетающий косяк
Журавлей в чужие страны.
В такую пору мало кто
Из мужиков моей деревни
Может с нею заодно
Глядеть в окрестности селенья.
Им любоваться не досуг,
Не тем сейчас их разум занят.
Так много дел еще вокруг,
А на дворе уж стужей тянет.
До снега надо уложить
С полей снопы под крышу в кладь,
Гумно соломою накрыть
И к молотбе цепи наладить,
Чтобы потом не торопясь,
Чтоб не мешала непогода
Можно было, помолясь,
Работать до седьмого пота.

1965 г.

Багряная осень с летящей листвою
 Припала к осевшим стогам.
 Мне хочется все это нежно рукою
 Взять и приблизить к губам.

Прижать, как любимую перед разлукой,
 Вбирая смиренно потоки тепла,
 Чтобы зимой, у объятого скукой,
 Вновь эта прелесть в душе ожила.

СНЕЖНОЙ ПЫЛЬЮ КУРИТСЯ РАВНИНА...

Зима в том случае любима
 И несказанно хороша,
 Когда очажный запах дыма
 Все время чувствует душа.

Разгулялась непогода за окном.
Снежной пылью поднялась и рвется в дом.
Ставни хлопают, срываются с петель,
Словно просят успокоиться метель.

Но она в пыли глуха на уговор.
Покружилась, с воем вырвалась в простор,
Где прошла, там стали черными поля:
"Посмотрите, дескать, люди на меня.

Я в смятении не то еще смогу!
Не бывало на моем большом веку,
Чтобы кто-то мне приказывать посмел
Заменить на доброту мой лютый гнев.

Захочу и буду много дней подряд
Дико выть и голосить на всякий лад,
Наметать вокруг сугробы на пути,
Чтоб нельзя было проехать и пройти".

1975 г.

СУМЕРКИ НАД ШКОЛЬНЫМ

Склонился вечер синий
Над моим крыльцом.
На деревьях иней
Зреет серебром.

С небес, спускаясь злится
Невидимый мороз
И над землей, как птица,
Паря, пошел вразнос.

По улице мальчишки
Снуют из края в край
Им вслед без передышки
Летит собачий лай.

Ничто им не помеха:
Ни снег, и не мороз,
Лишь на уме потеха,
Да звонкий смех до слез?

Все ярче светят звезды
Медведицы большой
И будто с ветки дрозды
Любуются землей.

Жизнь в избах замирает,
Смолкает все кругом
И Школьный засыпает
Богатырским сном.

1965 г.

Мне б только на окне глазок с пяток
 Меж пальм серебристого узора,
 Да стул, слегка придвинутый вот так:
 Для более удобного обзора.

Чтоб лютым днем заснеженной зимы,
 Прильнув к глазку, как в юности бывало,
 Не выходя из стен натопленной избы
 Смотреть на блеск земного покрывала,

Смотреть до слез, до покрасненья глаз,
 Вживаясь в будни примелькавшейся картины,
 Что тридцать лет за окнами у нас
 Висит, как снимок на гвозде витрины.

1983 г.

Снежною пылью курится равнина.
 Протяжно и глухо шепчется лес.
 Там свои гроздья купает рябина
 В сумрачной ванне холодных небес.

Под горькою ношей согнулась калина.
 Безмерно ей рада пернатых орда!
 Тепло и надежно укрыла талина
 Логово зайца у старого пня.

Где-то вверху, а где - не приметил,
 Знать, на одной из засохших берез,
 Ловко пристроившись, кормится дятел,
 Стучит, презирая метель и мороз.

1975 г.

Снег искрится легкой изморозью белой,
 Покрывая все неровности земли.
 Так хозяйка после сна рукой умелой
 Расправляет складки простыни.

Мне по сердцу это время года.
 Я рад, усыпанный крупитчатой росой,
 Бродить по рощам, где, кажись, природа
 Обрела на миг сама себе покой.

Тишь стоит в сыпучей мгле, купаясь.
 Как солдаты замерев в строю,
 Стоят березки и, ничем не прикрываясь,
 Освежают снегом наготу свою.

1987 г.

Туманом подернулось утро.
 Нахохлившись, жмутся скворцы.
 За логом на взгорье, как будто,
 Лесные маячат дворцы.

То снегом оделись деревья.
 И, прячась в тумане густом,
 Стоят эти чудо - строения,
 Застывшим в тиши миром.

На землю с весною чудесной,
 В объятья ее новизны,
 Все падают данью небесной
 Последние хлопья зимы.

* * *

В сырое, пасмурное утро
 Влилась земная тишина
 И растворилась в нем, как будто,
 В чем-то век была грешна.

Ветер стих, пропали звуки,
 Смолк унылый шум ветвей...
 И только в роще, знать от скуки,
 Поет романсы соловей.

1992 г.

Чуть морозный вечер синий
 Слегка подкрасил синевой
 На ветвях повисший иней
 С нежно-белой бахромой.

Иду, носками снег пинаю,
 Руки прячу в рукава
 И машинально вслух читаю
 На ум пришедшие слова.

Это краткие обрывки
 В мозгу застрявшего стиха,
 Но дайте срок и все отрывки
 Прочтутся, как одна строка.

* * *

Мне все порядком надоело,
 Мне опостылела хандра.
 Живой работы просит дело
 С глотком душевного добра.

Мне все равно - какого дела,
 Лишь бы дела с огоньком,
 Чтобы все в руках горело,
 Жгло червонным угольком.

1967 г.

Стою, навалясь на цветной подоконник,
 Смотрю, замерев, на пустые поля.
 Я с детства пурге и буранам поклонник,
 Но только поклонник я им из окна.

Отсюда любуюсь, ничем не рискую:
 Ни крепко замерзнуть, ни сбиться с пути.
 Я здесь, у окна что-то молча колдую.
 И, словно прильнув, не могу отойти.

* * *

Стучит с порывами по окнам
 Снегом ветер хлесткий.
 На стекле от влаги мокро
 Появились слезки.

Покатились ручейками,
 Как из глаз любимой.
 Так и хочется губами
 Их убрать с родимой.

Тихий вечер делом занят,
Он погружает в сумрак двор
И снежной изморозью манит
В слегка припудренный простор,

Влечет на вьюжный горб откоса,
Что между гривами пролег,
В места недавнего покоса,
В крутой под Егултысом лог,

К давно исхоженному лесу
Сотни раз из края в край,
Под морозящую завесу
Вслед за солнцем, к Богу в рай,

Поет душа без черт тревоги.
И сердце просится в полет...
Вот только жаль пристыли ноги,
Стоят, как колья у ворот.

1987 г.

Спелым горохом рассыпались звезды
По черному полю небес.
Словно невеста в венчальном уборе
Стоит замороженный лес.

Еле подернувшись дымкой морозною,
Плачут лучом фонари.
С теплым приветом душу издрогшую
Манят из окон огни.

Сколько, еще - только Бог один знает -
Придется ходить по тропе,
Той, по которой когда-то впервые
С любимой прошел по весне?

* * *

Ах, молодость, молодость -
Беспечная пора.
Куда на взлетной скорости
Промчалась ты вчера?

Ни мало-мальской памяти,
Ни крошки озорства
В моей душевной замяти
Ты не оставила следа.

1967 г.

Ручейками поземка струится
По склонам оврагов на дно.
Вьется над кормом синица,
Брошенным горстью в окно.

С веток серебряный иней
Слегая искрится, пуржит.
К тыну сугроб темно-синий,
Прижавшись, как боров лежит.

По взрытой ездой дороге,
Запятав лицо в воротник,
Спешит детвора на уроки
И с нею возница - старик.

Трусит, не спеша, конь буланый,
Швыряя копытами снег.
И тянется с визгом след санный,
Которому края, знать, нет!

1965 г.

И опять над селом забуранило,
И опять тот же нудный концерт,
Словно, тысячи воинов раненых
С тяжким стоном идут в лазарет.

Не дорогой нарытою бомбами
И не ходами стылых траншей...
А плывет тот концерт над сугробами
Досиня околевших полей.

* * *

Опускаются сумерки с крыши,
Тонет даль, растворяясь в ночи,
Не хочу, чтобы в розовой выси
Растворились и солнца лучи!

Не хочу, да и впредь не желаю
Слышать вой полуночной пурги,
Что, как обручем душу сжимая,
Порождает приливы тоски.

1985 г.

Гляжу в окно сквозь пальмовый узор -
Творенье Дедушки Мороза,
И не могу узнать свой двор
После вчерашнего прогноза.

Кругом стало белым-бело.
И вот в такой же точно бели
Стоит сейчас, глядящая в окно,
Толпа поникших пихт и елей.

Их тоже стало не узнать.
От снежной тяжести повисли ветви,
Словно их укрыла шубкой мать,
Как и меня в далеком детстве.

Ох, уж этот вечный переход
От летних дней к капризам стужи!
То дождь идет, то вдруг наоборот
Под вздохи ветра стекленеют лужи.

Уж лучше бы скорей пришел
Мороз с пылающим румянцем.
И по-сибирски землю хорошо
Сковал, покрыв искристым гляncем.

ноябрь 1992 г.

Сейчас зима, но я знаю,
Что закончится скоро она,
Что придет время звонкому маю,
А с ним и в разгаре весна.

Солнцем глянет и вскроются реки,
Одним жестом оденет леса,
Даст, конечно, и время потехе,
А усердию радость труда.

Так и хочется с верою влиться
В вековечный ее перезвон.
И без усталости в здравьи трудиться,
Позабыв, что на свете есть сон.

* * *

В канун новогодней недели
Пурга одурела всерьез;
Хлещется лапами елей
И воет под пенью берёз.

В порыве отчаянной злобы
Швыряет неистово снег
И стелет косые сугробы,
Даже там, где их не было век.

1983 г.

Раскинув ветви в ширину,
И, сбросив снежный саван,
Стоит и ловит тишину
Ель на зависть дамам.

Стройна, как южный кипарис,
Она взметнулась к свету
Под заунывный хвойный "бис"
Навстречь шагающему лету.

Еще сугробы на полях
И снежный рыщет вепрь,
А в ее солнечных ветвях
Поет весенний ветер.

1983 г.

Уж на исходе время хололье
Зимних куражистых стуж.
В хмуром молчанье последние хлопья
Ложатся на стеклышки луж.

Слышится грай за прозрачною сеткой
С гнездами в кронах берез.
С кровли, накрытою снежной салфеткой,
Катятся капельки слез.

Не за горами земли обновление
С пеньем на весь небосвод,
Не за морями полей пробуждение
С уймой весенних забот!

1983 г.

В лазоревом небе купаясь, февраль
Последние дни доживает.
Я молча смотрю на стенной календарь
И, нехотя, лист отрываю.

Я знаю, что каждый оторванный лист -
Это ушедшие сутки
В безмолвную вечность, как жалобный крик
Нечаянно вспугнутой утки.

Мне дорого время, мне жаль каждый миг
И, в пору угасшей надежды,
Я очень хочу, чтобы солнечный лик
Светил для меня, как и прежде.

1982 г.

